

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ВЕСЕННЕЙ СКАЗКИ» А.Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»

В статье показано, как в процессе творческой работы над «Снегурочкой» Островский осуществляет реставрацию мирозерцания древних славян и реконструкцию обряда встречи солнечного бога Ярилы. Драматург опирается на труды современных этнографов и лингвистов, использует собственные наблюдения над жизнью и бытом крестьянства, над природой в окрестностях Щелькова. Он чутко прислушивается к поэзии и прозе своих предшественников и современников, касающихся этой темы. Будучи тонким знатоком живого великорусского языка, Островский глубоко проникает в его корневые основы, хранящие историческую память. Драматург изучает труды по мифологии древних славян А.Н. Афанасьева, П.С. Ефименко, Н.И. Костомарова. Широко и творчески использует Островский русские народные сказки о Снегурочке, включая поэтическую их интерпретацию в творчестве современников.

Ключевые слова: А.Н. Островский, поэтические воззрения славян на природу, язык как хранитель исторической памяти.

Замысел «Снегурочки» возник у Островского в начале 1873 года. Сказка создавалась в счастливые минуты творческого вдохновения. Работу над нею драматург завершил 4 апреля 1873 года в 10 часов вечера. На одном из белых автографов «весенней сказки» стоит другая дата – 31 марта. Примечательно, что это день рождения писателя, которому в 1873 году исполнилось 50 лет. Вероятно, Островский хотел специально приурочить завершение «весенней сказки» ко дню своего рождения. В «Снегурочке» многое сошлось и очень многое раскрылось. Островский считал, что с этим произведением он выходит на новую дорогу в русской драматургии. Поэтому он высоко ценил свою «весеннюю сказку» и ревниво относился к отзывам о ней.

Стихии «весенней сказки» слишком долго бродили в душе Островского, заявляя о себе даже в самых острых социально-бытовых драмах, содержание которых никогда не сводилось у него к сатире и прямому обличению. В «Снегурочке» они лишь отлились в чистом, отрешённом от быта существовании. Истоки сказки уводят нас к весне 1848 года, к впечатлениям юного Островского от первого путешествия в страну дедов и прадедов, в Кострому, а потом в Щельково. Предание о царстве Берендеев в Переславле-Залесском и открывшаяся за ним земля, обильная горами и водами, с рослым, умным и красивым народом, живущим здесь, запали глубоко в сердце впечатлительного юноши и долго ждали своего часа, чтобы отлиться в чистое золото поэзии.

«Весеннюю сказку» Островский вынашивал в своей душе более двадцати лет. Его сестра, Мария Николаевна, вспоминала, что драматург был особенно влюблён в щельковскую весну. Лучшие замыслы осуществлялись во время деревенского отдыха, среди русской природы, в тесном общении с народом. «Колорит поэтической “Снегурочки”, – писал В. Маслих, – это колорит Щелькова и его

ближайших окрестностей. Там до сих пор сохранилось название места, которое драматург перенёс в свою пьесу, это – “Ярилина долина”, небольшая лесная поляна близ Куекши. Здесь исстари местное население справляло свои весенние праздники, на которых неизменно присутствовал Островский, наблюдая обычаи и обряды крестьян <...> Голубой ключ, бьющий в одном из уголков Ярилиной долины, творческая фантазия художника превратила в озеро. А прототип слободы Берендеевки нетрудно угадать в селе Бережки, расположенном на крутом, заросшем густым лесом берегу Куекши» [15, с. 386].

Создавая образ сказочного царя Берендея, мудрого правителя и художника, Островский привнёс в его облик черты знакомых ему щельковских крестьян. Другом Островского был Иван Викторович Соболев, безземельный крестьянин, художник-самоучка. Он жил в «заречном» селе Бережки, всё отдавая своей любимой страсти. Под влиянием искусного народного мастера пристрастился к занятиям резьбой по дереву и сам Островский. Одарённость Соболева проявлялась и в особенном чутье этого крестьянина к живому великорусскому языку. Как легендарному Берендею, ему была «любезна игра ума и слова».

Сын Соболева Иван Иванович вспоминал: «Нет-нет, да и завернёт Александр Николаевич к нам в Николо Бережки: любил он гулять сюда приходиться и в большой дружбе с моим папашей был. Поставит мать самовар, вынесут во двор стол да часа два-три и сидят. Отец много походил по вольному свету, рассказывать начнёт, а то Александр Николаевич вынет тетрадку, станет читать. На суд, говорит, тебе приношу, верно ли, так ли изобразил? Нет ли фальши какой в простонародном выговоре? Мой отец был специалист-резчик по дереву иконостасной части. Его работы можно и теперь увидеть в нашей церкви. Кроме того, он делал весь ремонт мебели в усадьбе Островских и был принят там как свой человек» [6, с. 35].

Первотолчком к возникновению замысла «Снегурочки» послужило пребывание Островского в Щелькове весной и летом 1872 года. Весна оказалась тогда на редкость ранней и дружной, а лето жарким и щедрым. В письме к Н.А. Дубровскому от 20 июня 1872 Островский сообщал: «...у нас теперь необыкновенно хорошо и был бы совершенный рай, если б не засуха, которая нас несколько печалит: травы совсем нет, вся сгорела» [18, с. 398]. Но в конце июня палящие лучи Ярилы-солнца помиловали щельковскую природу, прошли дожди, и наступило доброе лето, сулившее богатый урожай. 13 июля Островский писал Ф.А. Бурдину: «Погода у нас хорошая, дни стоят жаркие, а вечера прохладные. Урожай превосходный...» [18, с. 402]. Наконец, в конце августа, подводя своеобразный итог своему любимому времени года, Островский сообщал тому же Бурдину: «В деревне я пробуду до октября, родилось очень много хлеба, надо его убрать <...> Жаль, что ты не приехал, лето было превосходное, – охота и рыбная ловля на редкость <...> Теперь езжу по вечерам на лодке с острогой» [18, с. 403].

Весь летний период Островский провёл в Щелькове один. По разным причинам многочисленные друзья не приехали тогда под гостеприимный кров его дома. Рыбная ловля под Высоковым – любимое развлечение Островского – проходила, очевидно, в кругу деревенских друзей. Жаркое солнце, изгоняющее «последней стужи след» из сердец веселых и беспечных берендеев, творческие силы могучей природы, опоэтизированные в сказке Островского, – во всём этом есть отзвук весенне-летних впечатлений 1872 года.

Не без воздействия Щелькова возникла в «Снегурочке» поэтическая картина народного праздника, Ярилина дня. В XIX веке этот праздник ещё бытовал на территории Костромского края, в том числе и в окрестностях Щелькова. В дневнике Островского за 1867 год сохранилась лаконичная запись: «июня 11. Воскр[есенье]. (Ярилин день)» [17, с. 404]. На эту дату в 1867 году приходился день Святой Троицы. Очевидно, местные крестьяне приурочивали старый языческий обряд к христианскому празднику, Троицыну дню.

Но смысл этого праздника был иным, совершенно не похожим на тот, который реставрирует Островский в «Снегурочке». В Ярилин день крестьяне XIX века уже не встречали бога Солнца, а хоронили его. По свидетельству современных Островскому фольклористов, в Костроме во Всесвятское заговенье совершался обряд погребения Ярилы. Куклу Ярилы в обрядном шествии нёс в гробике старик, а по сторонам шли женщины и оплакивали в песнях Ярилу как умершего. В Галиче и Кинешме представителем Ярилы выбирали старика, специально одетого в лохмотья, и забавлялись над ним. Гуляния в честь Ярилы совершались

под Кинешмой в Яриловой роще, возле Чухломы на Яриловом поле и на Поклонной горе близ села Туровского в Галиче. На Ярилин день существовал обычай «поневеститься»: крестьянские девушки и парни собирались по вечерам в рощах и долинах у прудов и озёр на пляски и игры.

Смысл этого древнего языческого праздника академик Б.А. Рыбаков определяет так: «Календарно обряд уничтожения кукол падает на два периода: во-первых, на раннюю весну (сожжение Масленицы), а во-вторых, на разгар лета, завершаясь Троицыным днем, днем Ивана Купалы (24 июня) или Петровым днем (29 июня).

Первая, ранневесенняя группа обрядов ясна по своему смыслу: правы те этнографы, которые расценивают весёлое сожжение Масленицы и катание горящих колёс с горы в реку как символическое сожжение зимы, как встречу весны в день весеннего равноденствия, когда день начинает побеждать ночь, тепло побеждает холод. Христианский пасхально-великопостный цикл сдвинул разгульную Масленицу со своего исконного места – 24 марта, в силу чего она утратила свою первоначальную связь с весенней солнечной фазой, но целый ряд этнографических фактов говорит о существовавшей ранее связи. <...>

Второй календарный срок ритуального уничтожения или погребения кукол-чучел, названный народом Зелеными святками, заполнен обрядами совершенно иного значения. Они проводились в то время, когда хлебные злаки уже созревали, когда первичное зерно, посеянное в землю, уже отдало всю свою силу новым росткам, начавшим колоситься. <...> Это не праздник урожая, не торжество земледельцев, собравших спелые колосья (до жатвы остаётся ещё более месяца), а моление о том, чтобы старая вегетативная сила весеннего ярового посева перешла в новые, созревающие, но ещё не созревшие растения, передала бы им свою ярь» [24, с. 172–175].

Очевидно, что обряд встречи солнечного бога Ярилы в эпоху Островского ушёл в историю: народная жизнь его потеряла. На какие же источники опирался драматург, показывая эту встречу в «Снегурочке»?

Работа над «весенней сказкой» началась не позднее февраля 1873 года, так как 20 февраля в письме к Островскому Н.А. Дубровский присылает драматургу описание праздника солнца, нужное ему для работы над сказкой: «Я нашёл в моих выписках описание Праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях средней Руси, крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались на возвышенный холм и там ожидали восхождения солнца, что они называли караулить солнце. Восход солнца они приветствовали радостными кликами и даже песнями и лю-

бовались, как оно играет и переливается разными цветами» [25, с. 314].

Сохранились два наброска (сценария) «Девушки-Снегурочки» (первоначальное заглавие), сделанные на черновой рукописи сказки.

Первый вариант – своеобразное продолжение начатой в 1868 году сказки «Иван Царевич». Здесь встречаются прежние сказочные персонажи (Иван Царевич, дурак) и отсутствует центральный конфликт «Снегурочки», связанный с праздником Ярилы, не разработана тема Берендеева царства (есть лишь упоминание о нём).

Второй вариант сценария «Девушки-Снегурочки» приближается к окончательному тексту. Появляется описание Ярилина дня, разрабатывается психологический конфликт драмы.

Когда же наметился перелом в её сюжете?

Толчком к обогащению и усложнению замысла сказки могло послужить знакомство Островского с романом П.И. Мельникова-Печерского «В лесах». В мартовском номере «Русского вестника» за 1872 год, в главе седьмой второй части романа, Мельников-Печерский дал одну из первых в нашей литературе художественных обработок древнеславянского мифа о встрече бога солнца: «Ходит тогда Ярило ночью порой в белом объяринном балахоне, на головушке у него венки из алого мака, в руках спелые колосья всякой яри. Где ступит Яр-Хмель – там несаянный яровой хлеб вырастает, глянет Ярило на чистое поле – лазоревы цветочки на нём запекутся, глянет на тёмный лес – птички защебечут и песнями громко залягут, на воду глянет – белые рыбки весело в ней заиграют. Только ступит Ярило на землю – соловьи прилетят, помрёт Ярило в Иванов день – соловьи смолкнут. <...> Тронет Яр-Хмель алым цветком сонную девицу, заночует у ней ретивое, не спится молодой, не ложится, про милого, желанного гребтится... А Ярило стоит над ней да улыбается, сам красную девицу утешает: “Не горюй, красавица, не печалься, не муди своего ретивого сердечка – выходи вечерней зарей на моё на Ярилино поле: хороводы водить, плетень заплетать, с дружкой миловаться, под ельничком, березничком сладко целоваться”. <...> Перелески чернеют, пушистыми волнами серебряный туман кроет Мать Сыру Землю <...> Дохнет Яр-Хмель своим жарким, размычивым дыханьем – кровь у молодежи огнём горит, ключом кипит <...> Пары рдеют, забегают в перелески. Слышится и страстный лепет, и звуки поцелуев. Гуляет Яр-Хмель...» [23, с. 276–277, 279].

Возможно, что Островский, увлечённый поэтическими страницами этой главы, изменил первоначальный замысел сказки и ввёл в неё в качестве центральной темы драматургическую разработку мифа о встрече Ярилы, «бога жизни, весны и любви», сменяющем гнев на милость и возвращающемся в царство берендеев. Находясь весну, лето и даже начало осени 1872 года в Щелькове, дра-

матург мог прочесть мартовский номер «Русского вестника» лишь в октябре. Чтение совпало, по всей вероятности, с тем моментом работы над «Снегурочкой», когда первый вариант её сценария был разработан, но перестал удовлетворять драматурга.

Обратим ещё раз внимание на то, что Островский изображает в «Снегурочке» не похороны, а встречу божества солнечной силы, относящуюся не ко второму, а к первому календарному циклу, когда сжигалось чучело зимы (Масленицы) и праздновалось рождение Ярилы, молодого бога плодородия и жизнотворяющей силы. Драматург производит реконструкцию существовавшего в далёком прошлом, но уже забытого современным ему крестьянством языческого обряда, опираясь на роман Мельникова-Печерского и на труды русских фольклористов мифологической школы.

На основании лингвистических, этнографических и фольклорных изысканий А.Н. Афанасьев пытался восстановить в живых поэтических подробностях языческое мироощущение древних славян: «С умалением светил славяне соединяли веру в предвестие несчастий и бедствий; наоборот, с возрастанием светил они связывали понятия счастья, добра, изобилия и урожая» [2, с. 9]. Царь Берендей в «Снегурочке» Островского ставит народное благополучие в зависимость от милостей солнечного бога Ярилы. Душевную остуду, распад единства и падение нравов в мире берендеев он объясняет гневом палящего бога:

Благополучие – велико слово!
Не вижу я его давно в народе.
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето
Короткое, год от году короче
Становится, а весны холодней <...>
Не все у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв... [19, с. 412–413].

«Солнце у западных славян, – отмечал А.Н. Афанасьев, – представлялось юношею сильным и красивым... Светлые божества хранили плодотворную силу в своём жилище – в стране вечного лета, которая лежит на восходе солнца... Чувство любви для язычника являлось делом богов света. Любовь в народной песне названа горячею: “горюча любовь на свете”. В другой песне поётся: “Не огонь горит, не смола кипит, / А горит, кипит ретиво сердце по красной девице”. “Любовь – не пожар, – говорит народная пословица, – а загорится – не затушишь”» [3, с. 10–11]. «Славяне, – утверждал он, – признавали в душе человеческой проявление той же творческой силы, без которой невозможна на земле никакая жизнь: это сила света и теплоты, действующая в пламени весенних гроз и в живительных лучах солнца. Душа – собственно частица, искра этого небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови – жар и всему телу – внутреннюю теплоту. Различные душевные движения народ обозначает уподоблением огню:

чувству он дает эпитеты горячее, тёплое, пылкое; о любви, вражде и злобе выражается, что они возгорелись или погасли. <...> Если душа понималась как огонь, то жизнь возможна была только до тех пор, пока горело это внутреннее пламя: погасало оно – и жизнь прекращалась. У нас уцелело выражение: погасла жизнь; выражение это в народной песне заменено сравнением смерти человека с погасшею свечою...» [4, с. 197, 199].

Персонализация бога Солнца в человеческом образе, в белой светоносной одежде, жертвенная гибель Снегурочки под его лучами приближали языческое мирозерцание народа к осмысленному принятию истин христианской религии. Для Островского это было важно и значимо. Здесь он смыкался с другом своим, историком и этнографом Н.И. Костомаровым, который писал: «Эта идея воплощения, страдания и торжества божественного существа на земле была чудесным предчувствием пришествия Сына Божия, солнца правды, света истины, и служила величайшим историческим подтверждением истины нашего Священного Писания. Это была идея, вложенная Творцом в род человеческий: человек, какую бы религию ни создал себе, непременно должен был проявить в ней то начало, с которым сам произошёл на свет; оторвать от него мысль о вочеловечении Божества было столь же трудно, как истребить веру в свою душу» [12, с. 26].

Язычество древних славян являло собою довольно развитую систему духовно-нравственных представлений, органически связанных с культом воссоздающих, созидающих сил природы, утверждающих «веру в существование души природы, веру в единение природного и человеческого» [22, с. 71]. И нравственное ядро этих древних верований, хранившихся не только в устном народном творчестве, но и в живом великорусском языке, было органически усвоено и переосмыслено православием. Народное мирозерцание оказалось во многом созвучно ему и даже способствовало развитию нравственных начал православия.

«Крещение Руси соединило два родственных мироощущения. Так, русские внесли в православие жизнеутверждающий оптимизм победы добра и усилили его нравственные начала, придав им более конкретный характер практического добролюбия. Этим русское православие отличалось от византийского, которое абсолютизировало идею зла, его неотвратимости, преодолеть которое можно только через строгий аскетизм и мистические искания» [20, с. 23].

П.С. Ефименко, например, убедительно доказал, что культ Ярилы в христианскую эпоху органично перерос в культ Святого Георгия. Существенные черты, характеризующие старого древлеславянского бога, обнаруживаются в народных представлениях «о Егории храбром», в честь

которого 23 апреля совершается в деревнях выгон скота, а крестьянки умываются Егорьевской росой, охраняющей их от всех болезней.

Островский был знаком с работой Ефименко, вышедшей в свет в «Записках Императорского Русского географического общества» в 1868 году, а в 1869-м опубликованной отдельным изданием. Из неё драматург взял описание внешности солнечного бога славян: «Ярило, прекрасный юноша, даёт растительную силу хлебам, травам и деревьям и чадородие людям и животным. На голове у него венчик из свежих весенних полевых цветов, в левой руке горсть колосьев – знак того, что Ярило есть произраститель цветов и хлебов; в правой руке у него человеческая голова, по всей вероятности, голова побеждённой им зимы и ночи» [9, с. 11]. Примечательно, что Островский придал этой голове совсем иную, «светоносную» силу: в правую руку Ярилы он вложил «светящуюся голову человечью» [19, с. 457]. Драматург знал, что мёртвая голова трактовалась в древние времена как символ бессмертия и божественной мудрости [7]. Спорную трактовку этого символа даёт В.А. Кошелев [13].

Труды П.С. Ефименко, Н.И. Костомарова, А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева повлияли на замысел «весенней сказки» не только прямо, но и косвенно, самым методом поиска древнего мирозерцания народа через развёртывание образной энергии, скрытой в корневых глубинах русского языка. Вслед за Буслаевым, Островский видел в языке кладёз исторической памяти, «сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке, какие отложились от этих впечатлений». Слово для него было «не случайной комбинацией звуков, не условным знаком для выражения мысли, а творческим делом народного духа, его поэтической деятельности. Это художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключался в корне слова. По мере накопления опыта и наблюдения, по мере осложнения впечатлений и отношений первичный образ разрастается в верование, в идею божественной силы, незримо присутствующей в видимом мире, потом в миф, в представление о видимом, осязательном проявлении этой силы, в закон или житейское правило, устанавливаемое этим верованием и представлением, наконец, в обычай и предание, создаваемое верованиями, мифами и законами путем их передачи из поколения в поколение... Так язык рос вместе с народной жизнью, и его история есть летопись этой жизни, и летопись художественная, своего рода эпопея, в поэтических образах отразившая народные верования, понятия, убеждения, обычаи и права в тёмную эпоху их зарождения» [11, с. 225–226].

А.Н. Афанасьев утверждал: «Анализируя слова, возводя их к начальным корням и восстанавливая забытый смысл этих последних», филология «открыла нам мир доисторический, дала средства разгадать тогдашние нравы, обычаи, верования, и свидетельства её тем драгоценнее, что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу» [1, с. 52].

Это была очень поэтичная лингвистика, требующая художественной интуиции, с помощью которой в словах раскрывался «спящий» в них смысл, их мифологическая первооснова. Как археолог по отдельным предметам в древнем культурном слое восстанавливает картину ушедшей от нас цивилизации, так и знаток языка, погружаясь в образно-смысловую ткань слова, в самом духе языка улавливает отголоски древнего народного мирозерцания.

Именно такой метод использует Островский в «Снегурочке», когда он соотносит зимнюю природу со стужей людских сердец или когда он изображает пробуждение природы под лучами набирающего силу весеннего солнца и «оттаивание», потепление холодного сердца Снегурочки.

«Обратившись к довольно распространённому сказочному сюжету о Снегурочке, автор внес определенный вклад в жанр литературной сказки, – замечает И.А. Овчинина. – Возможно (наряду с другими фольклорными, историческими и литературными материалами), по-своему откликнулась в новом творении Островского и опубликованная в журнале “Москвитянин” в 1853 году украинская сказка “Снегурка” в переводе Г.П. Данилевского, из которой в сюжет произведения Островского мог войти мотив редкой красоты Снегурочки и тема женихов. В украинской сказке вылепленная из снега красавица, ставшая желанной дочерью бездетных стариков, с каждым днём становилась всё краше и наконец превратилась в “пышную невесту”, чья красота привлекала к себе многих молодых людей: “И, почуяв плод созрелый, / Женихи, как листья в осень, / К ним посыпались в ворота”. Отдельные ситуации драматург позаимствовал из русской народной сказки, из лирических песен, преданий, календарных обрядов» [16, с. 203–204].

Е.В. Душечкина обращает внимание на близкий Островскому финал «Снегурки» Данилевского: «Весной к ней начинают свататься женихи, но она с каждым днём грустнее и, в конце концов, тает на глазах стариков:

Стала таять, словно свечка,
Заклубилась лёгким паром,
Тихо в облачко свернулась
И в лучах зари исчезла...» [8, с. 139]

Исследователи творчества Островского упоминают и на другие источники, которыми пользовался драматург, работая над «Снегурочкой» [5]. В хоре гусяров из второго действия «весенней сказки» звучат мотивы «Слова о полку Игореве»; в монологах Бобыля ощутимы интонации «Песни

Бобыля» И.С. Никитина. Были убедительные попытки сопоставить «Снегурочку» с драмой Шекспира «Сон в летнюю ночь» [10].

Л.М. Лотман установила связь «Снегурочки» с некрасовской поэмой «Зелёный шум», в которой этот шум, «как в игровой украинской песне, был “очеловечен”, превращён в живую фигуру, проникнут нравственным началом, влияющим на поступки людей. Такой же личностью – реальной и властно влияющей на человека и его душевное состояние – является в поэме Зима», которая приобретает «сказочные черты злой колдуньи, несущей “остуду” людским сердцам». Но «приход весны, возрождение природы, начало полевых работ, соединяющих людей в труде, укрепляют веру в нравственной правомерности доброты и самоограничения во имя другого человека, дают герою смелость следовать внутреннему побуждению: “Прощай, пока прощается, / И – Бог тебе судья!”» [14, с. 99–101].

Л.А. Розанова устанавливает переклички между Берендеем в «Снегурочке» и царём в «Притче» (1870) Некрасова. Она же открывает параллели между «весенней сказкой» Островского и сказочной фантастикой в поэме-эпосе Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [21]. Бесспорны в «Снегурочке» отголоски мотивов Зимы и Мороза из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос».

Одним из существенных источников «весенней сказки» явилась поэзия крестьянских праздников. Среди бумаг драматурга, собранных им во время литературной экспедиции 1856 года, есть копия статьи с описанием майского праздника в Тверской губернии, материал о свадебных обрядах в Даниловском уезде Ярославской губернии (отсюда использованы Островским во втором кличе бирючей наговоры свадебных дружек). Хор птиц заимствован драматургом из народной песни «Какво птицам жить на море», монолог обиженной Мизгирем Купавы несёт в себе следы обработки находящейся в бумагах Островского «Песни о хмеле».

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Н.* Живая вода и вещее слово. – М.: «Советская Россия», 1988. – 512 с.
2. *Афанасьев А.Н.* Зооморфические божества у славян // Отечественные записки. – 1852. – № 3. – Отд. 2.
3. *Афанасьев А.Н.* Зооморфические божества у славян // Отечественные записки. – 1852. – № 2. – Отд. 2.
4. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. – Т. 3. – М., 1869. – 840 с.
5. *Батюшков Ф.* Генезис «Снегурочки» Островского // Журн. Мин-ва нар. просв. – 1917. – № 5. – С. 47–66.
6. *Бочков В.Н.* Заповедная сторона. (Вокруг Щелыкова). – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1988. – 96 с.

7. Голова [Электронный ресурс] // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 2002 – 512 с. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php>. (дата обращения: 06.01.2019).

8. Душечкина Е.В. Снегурочка и её лики в русской культуре // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского. Материалы научно-практической конференции. – Кострома, 2001. – С. 137–146.

9. Ефименко П. О Яриле, языческом божестве русских славян. – СПб.: Тип. Майкова, 1869. – 36 с.

10. Ишук-Фадеева Н.И. «Рассказ любви в прекраснейшей из книг» («Сон в летнюю ночь» Шекспира и «Снегурочка» Островского) // Щельковские чтения 2005. – Кострома, 2006. – С. 145–159.

11. Ключевский В.О. Ф.И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 223–229.

12. Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1994. – 688 с.

13. Кошелев В.А. Поэма Ярилы: о мифопоэтике «Снегурочки» // Щельковские чтения 2011. – Кострома, 2012. – С. 96–106.

14. Лотман Л.М. Островский и литературное движение 1850–1860-х годов // А.Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. – Л.: Наука, 1974. – С. 83–110.

15. Маслих В. А.Н. Островский в Щелькове // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. – М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1950. – Т. 8. – С. 359–396.

16. Овчинина И.А. А.Н. Островский. Этапы творчества. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. – 220 с.

17. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Статьи, записки, речи. Дневники. Словарь. – М.: Искусство, 1978 – 720 с.

18. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 11: Письма (1848–1880). – М.: Искусство, 1979. – 782 с.

19. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 7: Пьесы (1866–1873). – М.: Искусство, 1977. – 606 с.

20. Платонов О. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – 222 с.

21. Розанова Л.А. «Снегурочка» и аналогичный ряд художественных произведений (XIX век) // Щельковские чтения. – Кострома, 2002. – С. 127–138.

22. Розанова Л.А. О философском значении пейзажей в микромире пьесы «Снегурочка» // Щельковские чтения. – Кострома, 2004. – С. 57–78.

23. Русский вестник. –1872. – Т. 98 (март).

24. Рыбаков Б. Рождение богинь и богов // Мифы древних славян. – Саратов: Надежда, 1993. – С. 141–234.

25. Соковнин А.Е., Мясникова Е.С. Письма к Островскому актёров и театральных деятелей // Литературное наследство. Т. 88: А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. Книга первая. – М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 1974. – С. 275–410.

References

1. Afanas'ev A.N. Zhivaya voda i veshchee slovo. – М.: «Sovetskaya Rossiya», 1988. – 512 s.

2. Afanas'ev A.N. Zoomorficheskie bozhestva u slavyan // Otechestvennye zapiski. – 1852. – № 3. – Otd. 2.

3. Afanas'ev A.N. Zoomorficheskie bozhestva u slavyan // Otechestvennye zapiski. – 1852. – № 2. – Otd. 2.

4. Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. – Т. 3. – М., 1869. – 840 s.

5. Batyushkov F. Genezis «Snegurochki» Ostrovskogo // Zhurn. Min-va nar. prosv. – 1917. – № 5. – S. 47–66.

6. Bochkov V.N. Zapovednaya storona. (Vokrug SHChelykova). – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 96 s.

7. Golova [EHlektronnyj resurs] // Slavyanskaya mifologiya. EHnciklopedicheskij slovar'. Izd. 2-e. – М., 2002 – 512 s. – Rezhim dostupa: <http://www.symbolarium.ru/index.php>. (data obrashcheniya: 06.01.2019).

8. Dushchikina E.V. Snegurochka i eyo liki v russkoj kul'ture // «Snegurochka» v kontekste dramaturgii A.N. Ostrovskogo. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Kostroma, 2001. – S. 137–146.

9. Efimenko P. O YArile, yazycheskom bozhestve russkih slavyan. – SPb.: Tip. Majkova, 1869. – 36 s.

10. Ishchuk-Fadeeva N.I. «Rasskaz lyubvi v prekrasnejšej iz knig» («Son v letnyuyu noch») SHekspira i «Snegurochka» Ostrovskogo // SHChelykovskie chteniya 2005. – Kostroma, 2006. – S. 145–159.

11. Klyuchevskij V.O. F.I. Buslaev kak prepodavatel' i issledovatel' // Moskovskij universitet v vospominaniyah sovremennikov. – М.: Sovremennik, 1989. – S. 223–229.

12. Kostomarov N.I. Slavyanskaya mifologiya. Istoricheskie monografii i issledovaniya. – М.: CHarli, 1994. – 688 s.

13. Koshelev V.A. Poza YArily: o mifopoetike «Snegurochki» // SHChelykovskie chteniya 2011. – Kostroma, 2012. – S. 96–106.

14. Lotman L.M. Ostrovskij i literaturnoe dvizhenie 1850–1860-h godov // A.N. Ostrovskij i literaturno-teatral'noe dvizhenie NIN–HKH vekov. – Л.: Nauka, 1974. – S. 83–110.

15. Maslih V. A.N. Ostrovskij v SHCHelykove // Zven'ya. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstvu i obshchestvennoj mysli XIX veka. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoj literatury, 1950. – T. 8. – S. 359–396.
16. Ovchinina I.A. A.N. Ostrovskij. Ehtapy tvorчества. – M.: EHnciklopediya syol i dereven', 1999. – 220 s.
17. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: V 12 t. T. 10: Stat'i, zapiski, rechi. Dnevnik. Slovar'. – M.: Iskusstvo, 1978 – 720 s.
18. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: V 12 t. T. 11: Pis'ma (1848–1880). – M.: Iskusstvo, 1979. – 782 s.
19. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: V 12 t. T. 7: P'esy (1866–1873). – M.: Iskusstvo, 1977. – 606 s.
20. Platonov O. Russkaya civilizaciya. – M.: Roman-gazeta, 1995. – 222 s.
21. Rozanova L.A. «Snegurochka» i analogichnyj ryad hudozhestvennyh proizvedenij (XIX vek) // SHCHelykovskie chteniya. – Kostroma, 2002. – S. 127–138.
22. Rozanova L.A. O filosofskom znachenii pejzazhej v mikromire p'esy «Snegurochka» // SHCHelykovskie chteniya. – Kostroma, 2004. – S. 57–78.
23. Russkij vestnik. –1872. – T. 98 (mart).
24. Rybakov B. Rozhdenie bogin' i bogov // Mify drevnih slavyan. – Saratov: Nadezhda, 1993. – S. 141–234.
25. Sokovnin A.E., Myasnikova E.S. Pis'ma k Ostrovskomu aktyorov i teatral'nyh deyatelej // Literaturnoe nasledstvo. T. 88: A.N. Ostrovskij. Novye materialy i issledovaniya. Kniga pervaya. – M.: Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk, 1974. – S. 275–410.